

РЕЦЕНЗИЯ
на монографию
О.К. Шевченко
«Сокрушающая державы (миссия философии власти
в середине XXI века)»

Монография Олега Константиновича Шевченко «Сокрушающая державы (миссия философии власти в середине XXI века)» служит прекрасным примером исследования одновременно интересного и академического. Автор в своем тексте обращается не только к профессиональным исследователям, но и к широкому кругу мыслящих людей, готовых по-новому посмотреть на традиционную проблему – природу власти и способность человека к осознанию того, чем является эта природа.

Следует отметить, что читатель лучше поймет замысел автора если поменяет местами фразы, фигурирующие в названии монографии: Миссия философии власти в середине XXI века: сокрушающая державы. Действительно, главным героем исследования служит философия власти, по словам О.К. Шевченко, «предлагаемая книга посвящена эпохе становления и развития философии власти, главной миссией которой в начале XXI в. является участие в гибридных войнах, а в середине текущего столетия прогнозируется трансформация этого явления в универсальную структуру формирования новых канонов восприятия власти, находящихся по ту сторону философской сферы бытия» (с. 10). Такая постановка цели исследования сама по себе является достаточно оригинальной, чтобы потратить время и узнать, получилось ли у автора справиться с подобной задачей.

В первом разделе монографии О.К. Шевченко сперва формулирует и анализирует основные положения или, лучше сказать, установки, из которых он исходит в своих экскурсах в различные области рассуждений о власти. Далее проводится анализ этимологии слова «власть» в русском и романо-германских языках. Сразу хочется отметить, что не совсем понятно, почему за границами внимания остаются другие языки, в частности, арабский и китайский, на каждом из которых сегодня говорит более, чем один миллиард человек. То, как в этих языках концептуализируется власть, безусловно оказывает влияние, на то, как осуществляются практики власти в этих странах, и как власть этих стран реализуется на международной арене. Впрочем, с другой стороны, приоритет, который автор отдает русскому и романо-германским языкам, понятен: прежде всего его интересует тот

дискурс власти, который складывался в европейской истории, а потом и в России. Однако следует вернуться к рассмотрению основных положений, которые важны автору при проведении исследования.

Всего ключевых постулатов исследования пять. «Власть – это не существующая реальность, а реальность, конструируемая на уровне должного и желательного» (с. 14), гласит первый постулат, самый краткий и, кажется, самый понятный из всех. Второй постулат более сложен для понимания и, пожалуй, означает следующее: при попытках мыслить власть происходит нарушение очевидности ее восприятия, что приводит к сакрализации власти. Третий постулат гласит, что власть определяется ситуативно и посредством интуитивных выводов, другими словами, ясное и отчетливое понимание власти представляется труднодостижимым, поскольку от одной ситуации к другой определение власти и фундирующие его интуиции подвергаются перманентным трансформациям. Четвертый постулат для автора, как нам представляется, наиболее важен, поскольку повторяет главную мысль всей работы: «Философия власти выступает первоисточником формирования власти в XXI веке, как при помощи легализации реальности, так и при помощи формирования проектов будущего» (с.15). К обсуждению этого постулата еще придется вернуться. Наконец, пятый постулат гласит, что разные философии власти могут оказывать влияние не только на свою «родную» власть, существующую с ними в едином культурно-цивилизационном топосе, но и на другие власти, вытесняя из их культурно-цивилизационных топосов «родные» им философии власти. Пользуясь модной метафорой «генетического кода», можно уточнить пятый постулат, сказав, что философия власти является неотъемлемой частью генетического кода власти и способна при этом вторгаться в генетический код других властей, переписывая его под себя. Таким образом, философия власти выявляет свою вирусную природу.

Обсуждая рассмотренные положения, необходимо поблагодарить автора монографии за то, что он смог на одной странице собрать те установки, которые будут определять его дальнейшее исследование. Естественно, на последующих страницах каждое положение подробно анализируется и находит многочисленные подтверждения. Однако и в лапидарной форме этих положений достаточно, чтобы понять, что защищаемая автором концепция философии власти и концепция власти носят черты, характерные для постмодернистского мышления. Вместо одной онтологии и одной реальности перед нами предстает множество симбиотических связей между философией власти и властью, которые находятся в постоянном конфликте друг с другом, стремясь утвердить свою исключительность, что, конечно же, оказывается недостижимой целью. Мир,

в котором существует философия власти, оказывается плюралистичным, динамичным, стохастичным и т.д.

Неудивительно, что подтверждение своей картине философии власти О.К. Шевченко находит в языке, точнее, в языковом многообразии, что он и показывает на примере ряда европейских и русского языков. Неудивительно, что и выводы применения основных установок исследования носят вполне постмодернистский характер: «работая с понятием «власть», бесперспективно создавать общие концепции на основе чуждого исследователю языка и цивилизации... проблема власти всегда укоренена в определенной цивилизации» (с. 86). Правда, несколько противореча самому себе, автор полагает, что возможно «формирование некой общей теории власти, ее базовых, исходных положений, характерных во все времена во всех обществах, культурах и цивилизациях» (с. 87). Остается предположить, что решение этой задачи автор оставил себе для будущих исследований и знает, какими путями можно достичь заявленного результата.

Второй раздел монографии «Когнитивный диссонанс власти (диффузия стратегий пониманий и физического воплощения в XXI в.)», возможно, как раз и посвящен разметке будущего проекта. В нем речь идет об уже обнаруженных автором «когнитивных стратегиях философии власти» и «кризисах практик власти в европейской цивилизации», видимо, вызванных или как-то связанных с этими стратегиями. В завершении раздела О.К. Шевченко описывает «сферу дискомфорта», которая складывается в этом причудливом мире симбиотов философии власти и самой власти, провоцируя новые стратегии философии власти и ее же новые практики.

Число когнитивных стратегий философии власти, обнаруженных автором равно шести, и они обозначены им как варианты от А до F. Учитывая, что описание этих стратегий не носит аксиоматико-дедуктивный характер, понятно, что число вариантов может быть существенно расширено. Видимо, в качестве основных отобраны те, которые в большей степени демонстрируют правильность главного тезиса работы: философия власти создает практики власти и саму власть.

«Вариант А — это модель, сформированная Аристотелем и не являющаяся первой по хронологии, но выступающая первой по значимости и распространенности в массовом сознании и являющаяся (как мы позже увидим) эффективным инструментом формирования нужного облика власти» (с. 95). Такой выбор первой модели не удивителен, поскольку речь идет о примордиальной модели, выросшей на почве семиотического опыта античной цивилизации, на заложенном в языке потенциале рефлексии, что, как было указано ранее, важно для автора. В этом варианте власть является частью природы, и этого достаточно.

Второй вариант когнитивной стратегии, естественно принадлежит тому, кто по определению является оппонентом Аристотеля или, точнее, наоборот, т.е. Платону. Для Платона власть есть «власть есть тончайшая, практически невидимая, но безусловная и прочнейшая форма связи Человека с Государством» (с. 104). Большие буквы указывают на то, что и человек, и государство мыслятся Платоном совершенно в ином контексте, чем у Аристотеля. И если для последнего и человек, и государство остаются частями природы, то у Платона они изначально выходят за ее пределы. Таким образом, античность оставляет нам две когнитивные стратегии: одну в рамках осмысления природы, вторую – за ее пределами.

Выразителем третьей стратегии, выступает Юстиниан и примыкающая к нему традиция восточных отцов Церкви. Особенностью этой модели является то, что в ней власть исходит от Бога, того самого, с которым нас знакомит христианство в его ранней версии, и о котором будет говорить вся православная традиция. Не совсем понятно, куда «исчезла» вариация данной модели, которая могла бы соответствовать богатой средневековой латинской версии обсуждения природы власти, соотношения власти духовной и светской. Как ни странно, именно в этой вариации произойдет рождение новоевропейской концепции власти как суверенитета и будет создано много других важных понятий.

Четвертая версия соотносится «с Кораном и мусульманским (преимущественно суннитским) вариантом его прочтения» (с. 110). Именно связь с конкретным священным текстом и интерпретация власти на его основе – отличительная черта данного варианта.

Пятая версия – версия Макиавелли. По мнению автора монографии, она характеризуется своей локальностью и стремлением соответствовать критериям научного знания. Последнее понимается как «статистически выявленные закономерности определенного комплекса данных» (с. 117). Несмотря на то, что именно эта модель важна для современных социологии, social studies и political science, автор уделяет ей совсем немного внимания.

О шестом варианте F мы узнаем и того меньше, видимо, потому, что он совсем недавнего происхождения. Эта стратегия «выводит проблему власти из встроенности в мир в некую особую реальность. Наделяет власть особым бытием и особым властным измерением» (с. 92). За этим вариантом, позволим сделать предположение, скрываются современные, по большей части постмодернистские стратегии понимания власти, которые близки автору, но одновременно являются предметом академической полемики.

Удивительно, но с этого момента книга начинает читаться значительно в более высоком темпе. Автор переходит к рассуждениям о кризисах практик власти, полагая, что они суть «естественные основания

когнитивных кризисов практик власти, кризиса воплощений стратегий понимания власти» (с. 125). Первый кризис связан с тем, что первые два варианта стратегий не принесли пользу Римской империи. Второй – с тем, что третья стратегия оказывается погребена в недрах схоластики. Третий кризис случился из-за того, что пятая стратегия (Н. Макиавелли) привела к тому, что «понимание власти «схлопнулось» и перестало быть сколь-нибудь значимым в реальности Европы» (с. 133). Четвертый кризис вызван шестой стратегией, о которой мы знаем совсем немного. «Постулируем (а в следующей главе детально рассмотрим), что ядро, суть нынешнего кризиса — сформированная сфера когнитивного дискомфорта. Она как осознанно, так и неосознанно формируется всеми участниками философских баталий» (с. 137). Сфера дискомфорта власти в условиях четвертого кризиса когнитивных стратегий власти описана автором достаточно подробно. Трудно не согласиться с его мнением о том, что созданный дискомфорт вызвал к жизни многочисленные варианты гибридных войн. Но важно не столько это, сколько важно понять, удалось ли О.К. Шевченко ответить на свой главный вопрос: чем является философия власти?

Еще раз стоит отметить, эвристичность его идеи о том, что философия власти вместе с властью как таковой выступают частями единой реальности, и что вытеснение одной философии власти другой приводит к трансформации этой реальности. Но какое место философия власти сегодня занимает в структуре философского знания, где и как формируются соответствующие ей цепочки генетического кода цивилизации или политической реальности? Если исходить из целесообразности деления философии на теоретическую и практическую, то все варианты философии власти, рассмотренные в монографии, следовало бы отнести к области теоретической философии. То, о чем говорит автор, не принадлежит к области политической философии в ее традиционном понимании: как должно осуществляться правление, или в чем мой долг перед Чужим. Скорее, речь идет о новом разделе онтологии или метафизики, наподобие «философии природы» или «философии истории». Автор своим примером и анализом литературы убедительно показал в монографии, что ЕСТЬ политическая реальность – ВЛАСТЬ, которая для своего существования нуждается в осмыслении. Это, безусловно, делает размеченное им поле исследования частью онтологии, возможно, даже фундаментальной онтологии.

В целом, писать о монографии О.К. Шевченко «Сокрушающая державы (миссия философии власти в середине XXI века)» легко и приятно. Это действительно хороший образец самостоятельного, оригинального и интересного исследования. Монографию хочется читать и анализировать,

спорить с автором и искать свои аргументы. Рекомендуется для прочтения и составления собственного мнения.

А.М. Тимохин

Сведения об авторе

Александр Михайлович Тимохин – кандидат философских наук, доцент кафедры философии Института «Таврическая академия» Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского, Email: philosecon@gmail.com